

А. Г. Фастов, Д. В. Бойко

СООТНОШЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И УСМОТРЕНИЯ В СОВЕТСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКЕ И ПРАКТИКЕ

В статье рассматривается соотношение законности как метода и принцип осуществления государственной власти с применением права по усмотрению. Анализируются соотношения этих категорий в науке и практике советского периода. Делается вывод о наличии условно трех этапов: соотношения, законности и усмотрения.

Ключевые слова: законность, административное усмотрение, целесообразность, дискреционные полномочия.

A. G. Fastov, D. V. Boyko

CORRELATION OF LEGALITY AND DISCRETION IN THE SOVIET LEGAL SCIENCE AND PRACTICE

The article focuses on the correlation of legality as a method and a principle of state power with application of law at the discretion. Analyzing the correlation of these categories in science and practice of the Soviet period the author comes to conclusion that figuratively there are three stages of the legality and discretion correlation.

Keywords: legality, administrative discretion, advisability, discretionary powers.

После Октябрьской революции 1917 г. происходило развитие феномена законности в новых политических и социальных условиях. И поскольку единой научной теории развития советского права на первом этапе не было, в юридической литературе тех лет содержится большое количество различных мнений по одним и тем же правовым проблемам.

Так, в частности, законность определяется как «исполнение закона не сообразно его букве, а соответственно его смыслу и духу» и, исходя из такой позиции, констатировали, «что с точки зрения революционной законности находит себе объяснение широта применения административного усмотрения, наблюдаемая ныне в административной деятельности советских органов» [1, с. 8]. То есть все действия власти могли быть основаны на «духе закона», что оправдывает, в свою очередь, широкое применение права по усмотрению, а не строгое соответствие «буквы закона».

«Нам нужно не законодательство, — писал известный ученый Г. С. Гурвич, — не в нем сейчас

дело, нам нужно «хорошее и дешевое управление, умный и честный чиновник, толковый администратор, орудующий хорошо пригнанной, уместной, твердой и точной административной нормой, — вот это нужно стране» [2, с. 27].

Другие авторы утверждали прямо противоположное, что, например, «по советскому праву свободное усмотрение органов административной власти в принципе никогда не предполагается» [3, с. 172]. Вообще в то время преобладал, если так можно сказать, «революционный правовой нигилизм», предполагавший, что новое общество с помощью новой идеологии легко решит многие извечные проблемы организации жизни. Так, например, предполагалось законодательным путем быстро закончить и с административным усмотрением. Нереальность таких взглядов видел П. И. Алексеев, который писал, что «полное господство права, предполагающее полное устранение свободной власти, достижимо, если когда-либо достижимо, только в бесконечной отдаленности» [4, с. 25].

Современный публицистический взгляд на время гражданской войны и послевоенной разрухи характеризуется обычно тем, что не учитываются исторические условия той поры, не дававшие возможности выбора руководству страны. Тяжелое состояние экономики, изменение системы власти, гражданская война, низкий уровень культуры и образования большинства должностных лиц того времени привело к тому, что усмотрение, в том числе и в деятельности правоохранительных органов, практически отождествлялось с официальным нормотворчеством.

В первой половине 20-х гг. проходила политическая дискуссия по вопросам о соотношении законности и целесообразности, под которой в основном понималось усмотрение власти. В этой дискуссии поучаствовал и В. И. Ленин, изложив свое мнение в записке по поводу принципов организации и деятельности создаваемой советской прокуратуры [5, с. 197—201]. Дискуссия была довольно ожесточенной, и некоторые из ее участников были впоследствии репрессированы, в том числе и за «неправильные» взгляды на сущность социалистической законности. Между тем, как отмечает И. А. Исаев, «вопрос о соотношении двух категорий так и остался нерешенным. Неясно было, является ли принцип революционной целесообразности особым методом толкования законов и стоит вне рамок правовой формы (в качестве внешнего корректива) или включен «внутри» нормы права. Во всяком случае, в советской правовой теории середины 20-х годов делались усиленные попытки сочетать и синтезировать оба принципа в области как правотворчества, так и правоприменения» [6, с. 102].

За периодом споров 20-х гг. наступило время некоторого спада активности ученых в данном направлении. В. Н. Дубовицкий объясняет его следующим образом: «В то время науку административного права в основном представляли юристы дореволюционной школы, не владевшие марксистско-ленинской методологией и не ставившие в центре своих исследований новые проблемы, которые

требовалось решать Советскому государству, связанные с его хозяйственно-организаторской и культурно-воспитательной деятельностью» [7, с. 23]. Однако проблема была не только в научных кадрах. В соответствии с особенностями исторической эпохи на этом конкретном этапе развития страны менялась сама правовая доктрина. Это более заметно на примере судебного усмотрения. Если в первоначальный период становления Советской власти декреты предписывали судье руководствоваться не только законом, но и революционным правосознанием, «революционной совестью», то «при расширении и укреплении законодательной базы в 1922—1924 гг., когда за необычайно короткий срок были введены в действие все основные кодексы, идея судебного усмотрения становится просто политически ненужной» [8, с. 40—41]. Уже в 1920 г. на IV Всероссийском съезде заведующих управлениями губисполкомов была поставлена задача «быстрейшего перевода применения административных взысканий из области усмотрения, легко переходящего в произвол, в состояние революционной законности как основы правопорядка» [9, с. 49].

На практике не было преодолено негативное отношение к праву, порождавшее преобладание усмотрения и целесообразности в государственном управлении. В такой ситуации суд должен был стать основной опорой власти, укреплять законность, воспитывать высокое правосознание. Соответственно «авторитет законодательства как наилучшего пути развития права был настолько значителен, что свобода судебного усмотрения приравнивалась к произволу, а социология права — к идеологическому фону этого произвола» [8]. Этот период некоторые исследователи называют периодом «тоталитаризации законности» [10], поскольку вслед за централизацией органов судебной власти и юстиции вся правовая система была поставлена на службу власти.

Так, известный государственный деятель той поры А. Я. Вышинский отмечал, что законность в этот период «все больше и больше крепнет, приобретает все большую и большую общественную базу, общественное значение,

потому что чем дальше развивается революция, тем все более возрастает значение законности не только в качестве силы принуждающей (хотя и в этом качестве тоже), ..., но и в качестве олицетворения всего культурного, всего прогрессивного, всего подлинно человеческого» [11, с. 26].

Деятельность власти по укреплению законности в стране дала неплохие результаты. Западные ученые, изучавшие историю СССР того периода, установили интересный момент, заключающийся в том, что в период сталинских чисток ограничились государственный произвол и уважение большинством граждан советских законов [12, с. 145]. Надо сказать, что большая воспитательная работа ликвидировала негативное отношение к праву из массового правосознания и из основных идей правящей партии, поменяв его, однако, на жесткое подчинение нормативным актам и полному преобладанию государства над всеми сферами общественной и правовой жизни.

Заметное увеличение интереса к усмотрению как правовой категории наступило в конце 40-х гг. Свидетельством этого является публикация монографии А. Е. Лунева, С. С. Студеникина и Ц. А. Ямпольской, посвященной вопросам законности в государственном управлении. Авторы настаивали на том, что административное усмотрение может рассматриваться только в неразрывной связи с законом, который по крайней мере обозначает цель правоприменительной деятельности. Поэтому усмотрение — это целесообразность в сфере применения права [13, с. 63]. Здесь авторы вели речь только об одном случае усмотрения, — случае, когда сам законодатель предлагал правоприменителю различные варианты действий. Основная идея данной работы заключалась в том, чтобы с помощью теории утвердить принцип законности в государственном управлении, избавить его от широкого усмотрения, часто переходящего в произвол. Социалистическая законность при этом понимается как результат и принцип законодательной деятельности [13, с. 17].

Некоторые авторы вообще объявляют проблему свободного усмотрения буржуазной, что в те годы имело решающее значение в судьбе того или иного

научного направления [14, с. 23; 15, с. 190]. Поэтому уже в 70-е гг. новому поколению исследователей пришлось, так сказать, «деполитизировать» проблему и доказывать, что и в советском государственном управлении вопрос о соотношении законности и усмотрения является достаточно сложным и требует пристального научного внимания. В основном эта тенденция возникала в работах теоретиков права при исследовании проблем законности и правоприменения.

Например, в работах О. С. Иоффе и М. Д. Шаргородского по теории права отмечалось: «Возможность выбора у лиц, применяющих закон, должна быть такова, чтобы при разрешении конкретных случаев действовало не усмотрение лица, разрешающего дело, а установленная законодателем общая норма, устраняющая произвол и влияние личной заинтересованности. Там, где общая норма полностью подменяется усмотрением исполнителя, там нарушается или может нарушаться законность» [16, с. 299]. Здесь авторы не защищают строгое формальное подчинение нормативным актам. В другом месте они отмечают: «Регулирование отношений законом вовсе не исключает полностью выбора исполнителем того или другого решения. Стремление Ш. Монтескье и многих других деятелей той же эпохи (а также многих теоретиков и практиков эпохи абсолютизма) предусмотреть все конкретные случаи и сделать судью только «устаи» закона, никогда не могло быть проведено в жизнь. Попытки подобного рода, имевшие место в практике, вели к серьезным недостаткам в деятельности государственных органов, и в первую очередь суда» [16, с. 297—298]. Также авторы говорят о том, что для обеспечения законности при вынесении конкретного правоприменительного решения нужно «определить ту степень самостоятельности выбора, которую можно и должно предоставить исполнительным органам власти и суду в рамках правовой нормы». Проблема здесь в основном сводится к юридической технике, например, предлагалось шире развивать не изложение норм права применительно к конкретному случаю, а

более широкое нормативное изложение. Но следующий шаг в анализе проблемы не делался, хотя логично было бы рассмотреть и случаи пробелов, аналогии и т. п.

Можно предположить, что такой строго нормативный подход к проблеме усмотрения объясняется временем написания работы, это был период после политических событий, называемых «разоблачением культа личности Сталина». В это время в стране действительно происходило движение за укрепление законности, нарушения которой были практикой в предшествующий исторический период. Как отмечает Е. В. Колесников, «разоблачение культа личности, реабилитация невинно пострадавших от массовых репрессий в середине пятидесятых годов создали предпосылки для утверждения законности в государственном управлении, защиты прав и интересов граждан. Ряд крупных шагов в этой области (ликвидация внесудебной репрессии и ГУЛАГа, реорганизация органов охраны правопорядка, изменение законодательства и др.) был своевременным и правильным, но всех накопившихся проблем не решил» [17, с. 14]. Поэтому многие видные деятели стремились всеми возможными путями обосновать господство формальной законности во всех случаях, даже в ситуациях, для этого не подходящих. Для примера можно привести такую формулировку из работы «Вопросы теории права»: «При применении норм права возможны, конечно, случаи, когда они перестают соответствовать объективным закономерностям общественного развития и социалистическому правосознанию. Тогда они заменяются новыми» [17, с. 299]. Конечно, при анализе этой идеи понятно, что от момента выяснения несоответствия такого закона уровню развития общественных отношений до момента принятия нового закона существует достаточно большой промежуток времени, что делает практически невозможным принятие оперативного решения.

Советские законы того времени сами по себе в основном соответствовали демократическим требованиям, а задача состояла в том, чтобы добиться строгого и неуклонного их исполнения. В этом видели свою задачу и ученые-юристы.

Задачей же деятелей из западных стран было не допустить принятия и исполнения законов с антигуманным содержанием. Этим и объясняется примат законности с уклоном на позитивизм в СССР, в то время как в западных странах шли поиски новых правовых идей, в том числе в теории «свободного права». Между тем известный французский ученый Р. Давид отмечал: «Принцип законности в Советском Союзе более необходим и соблюдается строже, чем в буржуазных странах, где право стремится, прежде всего, к установлению справедливости в отношениях между частными лицами и где оно, следовательно, расширяет сферу своего воздействия лишь постольку, поскольку заинтересованные лица предпринимают те или иные действия для защиты своих прав» [18, с. 185].

Этот период характеризуется противостоянием идеологий, и поэтому во многих работах советских ученых давалась негативная оценка методам использования правоприменительного усмотрения в зарубежных странах. Административное усмотрение считалось антиподом законности, демократии, а на Западе оно в основном использовалось для ограничения прав трудящихся. Так, А. А. Жданов пояснял: «Анализ теории и практики действия актов управления, основанных на так называемом «праве» свободного усмотрения, позволяет сделать вывод о том, что такие акты служат одним из орудий принуждения, направленного против трудящихся. Это принуждение часто опосредствуется судами административной юстиции. Небывалое расширение административной деятельности, наблюдаемое в эпоху государственно-монополистического капитализма, свидетельствует о тенденции к усилению принуждения, реакции» [19, с. 105].

Да и само понятие законности рассматривается с точки зрения существующего в государстве строя. Есть «неправильная» законность, характеризующая рабовладельческое, феодальное и буржуазное государство, и «правильная» законность как метод государственного руководства социалистическим обществом [20, с. 501—520].

С. С. Алексеев в начале 70-х гг. предложил обратить пристальное внимание на проблему

индивидуального правового регулирования, которое является проявлением творческого характера правоприменения. При этом он пояснял, что причина неразработанности положения о творческом характере правоприменительной деятельности объясняется тем, что выделение творческого характера правоприменительной деятельности на первый взгляд не стыкуется с требованием строгого и неукоснительного соблюдения социалистической законности. «Может даже создаться впечатление, что такого рода взгляд на применение права близок к воззрению буржуазного течения «свободного права». Между тем для подобных опасений нет решительно никаких оснований» [21, с. 285]. Но далее С. С. Алексеев признавал: «Хотя надо видеть, что термин «усмотрение» весьма близок к термину «произвольное решение» [22, с. 286].

Постепенно в научной литературе того времени был признан факт наличия проблемы позитивного соотношения законности и усмотрения [23, с. 42—45; 25, с. 259—275]. Здесь определенную пользу принесли взгляды классиков марксизма-ленинизма. Так, из работы в работу «кочевали» цитаты из одной из работ К. Маркса, где он говорит о необходимости конкретного суждения при подведении единичного случая под всеобщий закон: «Суждение проблематично. Для применения закона требуется также и судья. Если бы законы применялись сами собой, тогда суды были бы излишни» [24, с. 67]. Также сторонников исследования усмотрения выручала цитата из работы В. И. Ленина, когда он писал, что «сочинить такой рецепт или такое общее правило..., которое бы годилось на все случаи, есть нелепость. Надо, — говорит В. И. Ленин, — иметь собственную голову на плечах, чтобы в каждом отдельном случае уметь разобраться» [25, с. 52].

Однако действия по усмотрению строго увязывались с рамками нормы права. В частности, в «марксистско-ленинской общей теории государства и права» говорится, что, «как правило, норма права устанавливает определенные пределы для усмотрения при решении конкретного дела (определенные

границы в рамках одного решения, возможность выбора между различными вариантами решения и т. д.)» [20, с. 455]. В этом же труде в рамках проблемы аналогии права и аналогии закона подчеркивается, что «аналогия закона более последовательно отвечает задачам укрепления законности, создает меньше возможностей для усмотрения должностных лиц, поэтому аналогия права применяется в ограниченных пределах, когда невозможно подобрать близкую аналогичную норму» [20, с. 462]. Вместе с тем данный вариант рассматривается как исключительный случай.

После признания существования усмотрения как такового в советском праве были начаты исследовательские работы в отношении этого правового явления не только в теории права, но и в более привычной сфере — в административном праве, регулирующем вопросы государственного управления [26, 27, 28].

В частности А. П. Корнев отмечал, что административное усмотрение предполагает «определенную рамками законодательства известную степень свободы органа в правовом разрешении индивидуального конкретного управленческого дела...» [27, с. 49]. Предполагается возможность органов административной власти решать конкретное дело по усмотрению в рамках предусмотренной нормами права свободы.

Как отмечал В. В. Лазарев: «В каждой отрасли права в той или иной мере возникает вопрос о соотношении усмотрения правоприменителя и средств преодоления пробелов. ... В области исполнительно-распорядительной деятельности законодатель часто уполномочивает соответствующие органы решать многочисленные вопросы по своему усмотрению в пределах представленной компетенции» [29, с. 143].

Подробно проблема административного усмотрения была освещена А. П. Корневым в конце 70-х гг. Автор говорит о необходимости осуществления усмотрения и освещает вопросы гарантий от злоупотреблений в административном правоприменении на основе усмотрения, показывает разновидности этого явления [30, с. 72—81].

В 1990 г. в статье, посвященной исследованию усмотрения в период советского государства, В. М. Манохин констатировал: «Что касается последних 30—40 лет, то следует отметить почти полное отсутствие интереса к проблеме усмотрения. Объясняется это, очевидно, тем обстоятельством, что на первое место среди конституционных принципов был выдвинут (особенно после принятия Конституции 1936 г.) принцип социалистической законности, который якобы господствовал в государственной и общественной жизни. Проблеме же усмотрения или совсем не оставалось места, или она изображалась как производная от законности» [30, с. 24]. Кроме того, по мнению В. Н. Дубовицкого, «административное усмотрение отождествлялось с произволом как действием, сознательно нарушающим законодательство, а под дискреционными полномочиями нередко понималась не связанная законом самовластная деятельность администрации» [7, с. 45]. Определенный интерес к проблеме усмотрения поддерживался статьями К. И. Комиссарова [31, с. 49—56], А. Т. Бонер [32, с. 34—42], П. Ф. Пашкевича [34, с. 55—61].

В 70—80-е гг., до периода «перестройки», было опубликовано лишь несколько теоретических работ по проблеме усмотрения. Например, глава 2 «Содержание и границы усмотрения в деятельности государственных органов и должностных лиц, осуществляющих правоприменение в сфере управления» (автор М. С. Студеникина) в коллективной монографии «Правоприменение в советском государстве». В ней усмотрение характеризовалось как определенная рамками законодательства известная степень оперативной самостоятельности правоприменителя при разрешении дела, используемая им для наиболее оптимального исполнения предписаний закона или иного нормативного акта [9, с. 41], т. е. воспроизводилось определение усмотрения из работы «Социалистическая законность в советском государственном управлении», опубликованной в 1948 г.

В. И. Ремнев дискреционные полномочия определяет как право органа государственного

управления принимать решения по своему усмотрению. Автор приходит к выводу, что объем дискреционных полномочий уменьшается сверху вниз. Сами же дискреционные полномочия являются элементом компетенции, и их использование в рамках закона только укрепляет законность [34, с. 51—58].

Достаточно содержательной работой, изучающей правоприменительное усмотрение в советском правоведении, была кандидатская диссертация Ю. П. Соловья «Усмотрение в административной деятельности советской милиции». Несмотря на то, что тема работы имела узкую направленность, автор изложил немало общетеоретических положений, которые в дальнейшем использовались исследователями [35].

В работах, посвященных проблемам правоприменения, правоприменительное усмотрение рассматривалось как нестандартное и исключительное правоприменение. Начало такому подходу положила работа В. В. Лазарева, который отметил, что одной из разновидностей нетипичного правоприменения является «применение права при значительном допущении усмотрения правоприменителя» [36, с. 44]. Эту идею поддерживал и Н. Н. Вопленко, который писал: «Усмотрение правоприменителя понимается как предоставленное ему правомочие принимать, сообразуясь с конкретными условиями, такое решение по вопросам права, возможность которого вытекает из общих и лишь относительно определенных указаний закона. В данных же обстоятельствах речь идет об особых правомочиях, рассчитанных на регулирование исключительных отношений» [37, с. 77].

Единственной работой, специально посвященной проблеме усмотрения, опубликованной в тот период и имеющей актуальность в настоящее время, является монография В. Н. Дубовицкого «Законность и усмотрение в советском государственном управлении». Работа освещает почти все ключевые проблемы этой важной темы. Отдельные главы работы посвящены истории исследований административного усмотрения в

буржуазном и советском праве, понятию, причинам, классификации административного усмотрения, а также его пределам. Важным моментом работы было то, что автор на основе исторического анализа изменения требований законности, предъявляемых к актам органов государственного управления, ставил вопрос о необходимости учитывать при оценке их соответствия принципу законности не только формальные требования (норма акта и компетенция органа), но и материальные (соответствие цели закона интересам государства и граждан). В работе также показывается, что наличие таких факторов, как научность, участие общественности, гласность, правильный подбор кадров, коллегиальность, способствует принятию наиболее полезных, целесообразных решений в рамках последовательной реализации принципа законности и тем самым препятствует отрицательным проявлениям любой разновидности усмотрения в государственном управлении [7, с. 5, 99—127].

Вообще нужно иметь в виду, что за несколько лет «перестройки» все противоречия и негативные моменты соотношения законности и усмотрения стали очень заметны. С одной стороны, большие изменения сложившихся политических, правовых и общественных отношений требовали активной, построенной по-новому, работы, основанной на использовании усмотрения, в то время как основные принципы построения правового государства предписывают опираться на законность. Законодательство порой не поспевало за реформами, которые начали проводиться в стране, и потому стало широко применяться принятие решений по усмотрению.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что соотношение законности и усмотрения в советский период прошло условно три этапа. На первом этапе — с Октябрьской революции до образования СССР — применение права по усмотрению не только допускалось, но и приветствовалось в рамках революционной законности и революционного сознания, второй период — до начала 70-х гг., усмотрение противопоставлялось законности и с теоретической точки зрения не допускалось,

признаваясь категорией буржуазного права. Третий этап, с начала 70-х гг. вплоть до распада СССР, допустимость использования правоприменительного усмотрения в отдельных сферах деятельности органов власти в рамках законности, т. е. рамках действующей нормы права.

Список библиографических ссылок

1. Одарченко А. Н. О пределах административного усмотрения // Право и жизнь. М., 1925. Кн. 6.
2. Гурвич Г. С. К составлению административного кодекса // Власть Советов. 1923. № 3.
3. Загряцков М. Д. Административная юстиция и право жалобы в теории и законодательстве. М., 1925.
4. Алексеев П. И. Свободная власть и правовая связанность. Саратов, 1925.
5. Ленин В. И. О «двойном» подчинении и законности» // ПСС. Т. 45. М., 1967.
6. Исаев И. А. Понятия «законность» и «целесообразность» в советской правовой теории 20-х годов // Сов. гос-во и право. 1985. № 10.
7. Дубовицкий В. Н. Некоторые теоретические концепции соотношения законности и усмотрения в советском государственном управлении // Социальное развитие и право М., 1980.
8. Хлопаева М. Е. Идея судебного усмотрения в период становления советской власти // История гос-ва и права. 2006. № 11.
9. Власть Советов. 1920. № 11—12. С. 12. Цит. по Правоприменение в советском государстве. М., 1985. С. 49.
10. Папырин В. В. Концепция революционной законности и особенности ее воплощения в политико-правовой жизни советской России в период НЭПа // История государства и права. 2007. № 8.
11. Вышинский А. Я. Революционная законность и задачи советской защиты. М., 1934.
12. Хаски Ю. Российская адвокатура и Советское государство. М., 1993.
13. Лунев А. Е., Студеникин С. С., Ямпольская Ц. А. Социалистическая законность в советском государственном управлении. М., 1948.
14. Попова В. И. Социалистическая законность в деятельности местных советов депутатов трудящихся. М., 1954.
15. Старосьцяк Е. Правовые формы административной деятельности. М., 1959.
16. Иоффе О. С., Шаргородский М. Д. Вопросы теории права. М., 1961.
17. Колесников Е. В. Концепция правового государства и законность // Проблемы обеспечения законности в механизме правоприменения. Волгоград, 1991.
18. Давид Р. Основные правовые системы современности. Сравнительное право. М., 1967.
19. Жданов А. А. К вопросу о «свободном усмотрении» в буржуазном административном праве // Правоведение. 1968. № 5.
20. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия. М., 1970.
21. Алексеев С. С. Проблемы теории права. Т. 2. М., 1973.
22. Дюрягин И. Я. Применение норм советского права. Свердловск, 1973.
23. Лазарев В. В. Компетенция органов управления. М., 1972.
24. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 1.
25. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41.
26. Чечот Д. М. Административная юстиция Л., 1973.
27. Коренев А. П. Толкование и применение норм советского административного права // Сов. гос-во и право. 1971. № 1.
28. Коренев А. П. Нормы административного права и их применение. М., 1978.
29. Лазарев В. В. Применение советского права. Казань, 1972.
30. Манохин В. М. Правовое государство и проблема управления по усмотрению // Сов. гос-во и право. 1990. № 1.
31. Комиссаров К. И. Судебное усмотрение в гражданском процессе // Сов. гос-во и право. 1969. № 4.
32. Бонер А. Т. Применение закона и судебное усмотрение // Сов. гос-во и право. 1979. № 6.

33. Пашкевич П. Ф. Закон и судебское усмотрение // Сов. гос-во и право. 1982. № 1.
34. Ремнев В. И. Социалистическая законность в государственном управлении. М., 1979.
35. Соловей Ю. П. Усмотрение в административной деятельности советской милиции: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 1982.
36. Лазарев В. В. Эффективность правоприменительных актов. Казань, 1975.
37. Вопленко Н. Н. Социалистическая законность и применение права. Саратов, 1983.

© А. Г. Фастов, Д. В. Бойко, 2011